

148 КАК ЭТО БЫЛО...

Галина

ДЕРБИНА

г. Москва

ФЛЕШБЭК СТАРОЙ КОМСОМОЛКИ

Давненько это было, ещё в прошлом веке, году, кажется, семьдесят втором. Я работала старшим методистом в московском Доме культуры профессионально-технического образования РСФСР. Моим главным делом была организация методической работы в подведомственных домах культуры, разбросанных по всей Федерации.

Ещё в мою обязанность входило составление сценариев, проводимых по датам красного календаря. Данные мероприятия устраивались для будущего рабочего класса, который ежевечерне оккупировал здание, заполняя все комнаты, коридоры и даже пространство под огромными чугунными лестницами кружевного каслинского литья.

По вечерам из окон дома на всю округу раздавалось стройное пение хора, тренькали балалайки оркестра, басили аккордеоны, а на втором этаже, прямо над моим кабинетом, ритмично топали ноги участников танцевального коллектива.

Писать сценарий я могла только до четырёх часов дня, после этого времени работать над текстом не представлялось возможным. Молодёжь, окончив учёбу в разнообразных технических училищах, именно к этому часу приезжала в Дом культуры и вступала в свои права.

Поймите меня правильно, написание сценария требует тишины, попробуйте-ка сосредоточиться на чем-нибудь героическом, если у вас над головой человек тридцать отрабатывают сложные плясовые колёнца. Посидишь так минут тридцать, и сама начинаешь подпрыгивать на стуле.

Как-то, явившись на работу с небольшим опозданием, я разложила на столе очередной сценарий, посвящённый Великой Октябрьской революции,

быстро пробежала текст и поняла, что ему не хватает патетического финала. Ничего не оставалось, как пойти в библиотеку и порыться на полке советской поэзии. Я положила сценарий в красную папку и отправилась за необходимыми цитатами.

В коридоре меня догнал запыхавшийся Вочкаскин. Хотела было улизнуть от него, но он схватил за руку и потянул в сторону культурно-массового отдела, где числился режиссёром-постановщиком. Комната его отдела находилась недалеко от коридора, в овальной нише которого стоял памятник Ленину. Хотя наш Владимир Ильич был похож на всех многочисленных собратьев, разбросанных по Советскому Союзу, всё же у него были особенности, и прежде всего поза. Как правило, скульпторы изображали Ленина с экспрессивно выкинутой вперед рукой и перстом, указующим направление в светлое будущее. Поза нашего вождя была безмятежной и даже лиричной. Его левая рука спокойно покоилась на груди, а правая держала кепку. Левая нога, обутая в ботинок на толстой подошве, выдвинута вперёд. Казалось, вот сейчас он шагнет тебе навстречу и, подчиняясь призыву Владимира Маяковского, спросит: «Кто там шагает правой?левой!левой!левой!»

Особенным было и лицо памятника. Оно отличалось умиротворением, как будто дело его жизни уже благополучно завершилось и повсеместно расцвёл коммунизм, сверкая золотыми звёздами, шелестя полновесными пшеничными колосьями и трепеща бесчисленными алыми полотнищами. Глаза Ленина задумчиво смотрели вперёд, между небольшими усами и бородой был виден чуть приоткрытый рот с красиво очерченными губами. Его одежда, подробно проработанная скульптором, выглядела доволь-

но импозантно. Был он в широких брюках и распахнутом пиджаке, внутри которого виднелись чуть расстёгнутый модный жилет и галстук. Одним словом, наш Ильич имел целостный образ. Ходили слухи, что памятник был авторской копией знаменитой скульптуры народного художника СССР, лауреата двух Сталинских премий первой степени С. Д. Меркурова, стоявшей в зале заседаний Верховного Совета СССР в Большом Кремлёвском дворце. Правда это или нет, точно не знаю, но склоняюсь к тому, что слухи не обманывали, так как система ПТО без напряжения для бюджета могла приобрести не одно подобное изваяние.

Эта богатая и могучая, отлаженная не одним десятком лет система была основной формой планомерной подготовки квалифицированных рабочих кадров для всей Страны Советов. В каждой республике, в каждом её городке или большом селе было ПТУ, а то и не одно. В крупных городах их было по несколько десятков, в Москве их число переросло за сто.

Система профессионально-технического образования СССР скоростными темпами готовила молодые высококвалифицированные рабочие кадры, необходимые государству, которое решило возвести светлое будущее в Стране Советов в кратчайшие сроки, а именно за двадцать лет. В школе, потом в институте мне не раз объясняли, что коммунизм – это бесклассовый строй, с общими средствами производства и полным социальным равенством, где все будут жить прекрасно, каждый получая по потребностям. По планам партии предполагалось, что светлое будущее непременно наступит к 1980 году. Я невольно затвердила это, сдавая бесконечные экзамены: в школе по обществоведению, в институте по истории КПСС и др. Время шло, дата совсем уж приблизилась, а наступление коммунизма я не ощущала ни в быту, ни в общественной жизни. Со временем он стал для меня чем-то историко-теоретическим. Иными словами, коммунизм я воспринимала как некую доктрину, которая существует сама по себе, носит утопический характер и не относится к современной советской жизни.

Однако, когда поступила на работу в систему ПТО, отчётливее стала понимать значение не только этого слова, но и сущность коммунизма. Неожиданно многие мои потребности стали решаться без затруднений. Например, когда не смогла найти в магазине пригодное для себя осеннее пальто, мне пошили его в одном из швейных училищ, пошили очень дёшево. Девушки-ученицы сработали так качественно, как ни одна московская фабрика не смогла бы. Многие женщины обращали на меня внимание, когда я в нём заходила в вагон метро.

Словом, тот, кто трудился в означенной системе, при желании мог иметь множество преимуществ в сравнении с людьми, работавшими в других отраслях.

Если говорить не о личных привилегиях, а коснуться общественных, тут не хватит слов, чтобы описать возможности нашего Дома культуры. Для художественной самодеятельности мы заказывали эскизы у выдающихся художников по костюму, а когда дело доходило до реализации эскиза, то приобретались самые дорогие и красивые ткани, кожа и меха. Всё шилось только у лучших мастеров и чаще всего в мастерских Большого театра. Когда девушки и ребята, обутые в лёгкие сапожки, в головных уборах, отороченных прекрасными русскими мехами, вышитых вручную шелковых рубахах и сарафанах выходили на сцену, зрелище завораживало. А как они пели, как танцевали! К сожалению, остаётся только вспоминать. Им рукоплескали многие города Европы и Америки. И это понятно, лучшие московские мастера певческого и танцевального искусства обучали их, а они трудолюбиво и с удовольствием постигали что им преподавалось.

Так что удивляться тому, что нашего Ленина изваял великий скульптор, не приходится. Лично я воспринимала наш памятник как выдающееся произведение монументального искусства. Многие сотрудники со мной соглашались. Правду сказать, находились и те, кто не разделял нашего суждения. Возможно потому, что у Ленина имелся один недостаток – он был покрашен, поэтому понять, из чего сделан, было проблемно.

Однако я знала, какой материал использовали при его ваении. Скажу не тая, его изваяли из тёмно-серого гранита ещё до войны 1941 года. Со временем серый превратился почти в чёрный и в тёмном коридоре выглядел мрачновато и даже пугающе.

Старожилы ДК рассказывали, как некоторые гости, пришедшие на мероприятие ранее срока, указанного в билете, то есть тогда, когда свет в коридоре выключен, внезапно столкнувшись с Ильичом, с криком шарахались, как от неожиданно явившегося привидения. И вот в один прекрасный день кто-то сердобольный из хозяйственных деятелей решил исправить положение. Ничего лучше не придумав, он покрасил товарища Ульянова масляной краской цвета слоновой кости, и памятник стал заметен даже в темноте.

Попервоначалу всё было неплохо, гости перестали пугаться вождя, но вскоре появилась иная проблема. Краска – это вам не гранит, она имеет тенденцию стираться. Под воздействием окружающей среды может и потрескаться, а то и вообще отколоться. К слову, последнее происходило при активном учас-

тии молодежи, уж больно некоторые любили поковырять Ленина, делая на его теле темные амёбообразные пятна. Не скрою, случалось, что по свежей краске некоторые молодые любители ненормативной лексики писали слова, которые обычно публикуют на заборе. Оговорюсь, подобные случаи были редкостью. Однако так или иначе, приходилось вновь красить памятник, что, собственно, и делал столяр Дома культуры дядя Саша Иванов.

Был он скромным человеком небольшого роста, грудь имел тщедушную. Если смотреть на него со спины и не обратить внимания на синий халат, можно принять за подростка. Поскольку столяр был той старой гвардии, которая появилась на свет в период первых пятилеток, то он относился к Владимиру Ильичу традиционно, то есть уважительно. Вольности, которые допускали некоторые несознательные пэтэушники, активно пресекал. В этой связи красить памятник ему приходилось почти ежеквартально. Он делал это с охотой и даже удовольствием.

Не стоит думать, что от покраски облик Ленина становился неузнаваемым. Слышала, так случалось в иных местах, но только не у нас. Прежде чем нанести новый слой колера, дядя Саша снимал вонючим растворителем старый, затем тщательно подчищал остатки тончайшей наждачной бумагой, а уж только потом колонковой кистью наносил новый.

Накануне описываемых событий дядя Саша аккуратно покрасил Ленина.

Краска высохла, но на неё налипли пылинки, и налипли довольно густо, отчего вождь покрылся легкой ворсистостью, особенно это было заметно на лысине. Подобное случалось и ранее, но не в таком обилии. Другой бы махнул на это рукой и подождал, пока ворс не отпадёт сам собой. Только не наш столяр. Был он человек обстоятельный, во всём любил порядок, особенно в политико-просветительных вопросах, к которым относил заботу о памятнике. Заметив прилипшие соринки, он обратился за помощью к уборщице тётё Маше.

Мария Ивановна – женщина высокая и полная, работала в Доме культуры почти всю жизнь. Была она набожна, по воскресеньям и в престольные праздники обязательно посещала храм. В красном углу её комнаты висела бумажная икона с портретом Николая Чудотворца, украшенная пластмассовыми цветами. Религиозные праздники Рождество и Пасха были для неё самыми почитаемыми днями в году. Она любила эти дни больше собственного дня рождения. Как ни странно, но одновременно с этим ей были по сердцу и советские праздники, к примеру, день 7 Ноября, 1 Мая, 8 Марта и 23 Февраля. Особым почитанием пользовался День Победы. В самом начале войны она проводила на фронт жениха, а обрат-

но не встретила. Он погиб в последние дни сражений за Кёнигсберг. Выйти замуж ей так и не удалось, была она бездетна.

В праздничные дни она пекла пироги с капустой, делала селёдку под шубой, доставала припрятанную для этого случая бутылочку красного полусладкого вина «Лидия» и приглашала к себе соседок по дому. Случалось, к их компании присоединялся дядя Саша и неизменно привозил бутылку недорогого портвейна и двести граммов конфет «Стратосфера». Тетя Маша и дядя Саша из всех сладостей кондитерской фабрики «Красный Октябрь» предпочитали именно «Стратосферу». Конфета слыла шоколадной, но таковой не являлась. Шоколад у неё был только снаружи, внутри находилось нежнейшее белое суфле, в котором, как осколки метеоритов в пушистых облаках, утопали кусочки дроблёных миндальных орехов. Аккуратно разломив «Стратосферу», дядя Саша половинку конфеты брал себе, другую складывал рядом с чашкой тети Маши, говоря при этом:

– Да, некуда деваться, хочешь не хочешь, а в космическом пространстве мы всё равно впереди планеты всей.

– Уж это да-а...

– Этого у нас никогда и никому не отнять. А случай чего, могём кое-кому и кузькину мать показать, – рассуждал дядя Саша и с тоской смотрел на опорожнённую бутылку.

Мария Ивановна понимающе кивала и наливала в большой расписной бокал индийского чаю, того, что со слонем на коробке. Дядя Саша в ответ блаженно улыбался, шумно отхлёбывал чай и, положив на её руку свою, замечал:

– Погодка-то как раз под праздник наострила свою благодать.

Как в голове уборщицы совмещались престольные праздники с советскими, неизвестно, но вождь пролетарской революции был ею не менее уважаем, чем святые угодники. Поскольку Мария Ивановна была женщина чистоплотная и трудолюбивая, то работала на поприще уборки Дома культуры с огоньком. Особым её вниманием пользовался памятник Владимиру Ильичу. Не проходило и пары месяцев, чтобы она не помыла его с головы до ног. Для этого у неё были специальные розовые и голубые тряпочки, вырезанные ею из собственных ношенных байковых панталон. Она нисколько не стеснялась этого и на любопытствующие вопросы отвечала, что лучшей ветоши для протирки не найти. И действительно, после её обработки голова и другие части товарища Ульянова блестели как новые. А ещё у неё был один секрет, Мария Ивановна не уважала химические моющие средства и для вождя берегла туалетное мыло «Красная Москва». Она растворяла небольшой кусо-

чек в банном тазике, тряпочкой взбивала его в пену и мыла любимого кумира.

Когда мы с Вочкасиным проходили мимо памятника, она как раз, стоя на складной лесенке, протирала его душистым раствором. Начинала всегда с тыла. Потерев спину Ленина, специальной щёткой с длинной, как у швабры, ручкой приступала к тому месту, что пониже спины. Затем спускалась с лесенки и мыла вождю ноги. Потом переходила к мытью фасадной стороны скульптуры. Вначале она осторожно собирала с лысины Ленина приклеившиеся ворсинки, потом переходила ко лбу. На этот раз, любовно протирая кумиру лицо, она заметила тёмное пятнышко в самой глубине носа. Ей показалось, что в ноздре вождя нашла убежище тополиная моль. Уборщица достала из кармана гвоздик, который давно приспособила специально для таких случаев. С острой стороны он был аккуратно обёрнут ваткой. Припевая: «Ленин – всегда живой, ля-ля-ля, всегда со мной», – она поглубже залезла в правую носовую дырочку и с усердием поковырялась. Ничего там не обнаружив, перенесла гвоздь в левую. На всякий случай поскоблила в ушах, у рта, пытаясь навести надлежащий шик, блеск и красоту в этих сложных местечках.

Я поздоровалась с тётей Машей. Она оперлась на плечо Ленина, обернулась и, оглядев нас простодушным взглядом, произнесла:

– Доброго здоровья и вам.

Пробормотав себе под нос ещё что-то, вновь принялась ретиво намыывать вождя.

Мы вошли в большую комнату с высоким потолком, где стояли старинные книжные шкафы, забитые альбомами, календарями, пачками открыток, книжками с достопримечательностями СССР и стран социалистического лагеря и ещё множеством того, что не поддаётся описанию. Те полки, где находились рукописные материалы, имевшие не совсем опрятный вид, были задекорированы красными вымпелами с надписями: «Ударник коммунистического труда» и «За высокие показатели в социалистическом соревновании».

У громадного окна за большим дубовым столом в широком резном кресле сидела заведующая культурно-массовым отделом Аврора Марковна Рудницкая. На вид ей было лет шестьдесят. За её спиной висел плакат, нарисованный с фотографии военных лет. На нём мальчик лет 12, стоя на деревянном ящике, трудился на фрезерном станке, изготавливая какую-то военную деталь. Внизу плаката алела надпись: «Все для фронта! Все для Победы!» Под плакатом, приколотый кнопкой, торчал выцветший от солнца лист бумаги. На нём размашистым почерком хозяйки кабинета красным карандашом было написано:

*Если я гореть не буду,
и если ты гореть не будешь,
и если мы гореть не будем,
так кто же здесь развеет тьму?*

Назым Хикмет

Увидев меня, Рудницкая поднялась и, широко улыбаясь, шагнула навстречу. Её узкие плечи были покрыты красно-зелёным павловопосадским платком. Тонкую длинную шею плотно держал высокий ворот чёрной шерстяной водолазки. Серебряные волосы с лёгким сиреневатым отливом были подстрижены под горшок и лежали волосок к волоску. На смуглом лице блестели тёмные глаза, взгляд которых был внимателен и приветлив.

Аврора Марковна была женщиной особенной и, я бы сказала, уникальной. Из любого даже очень незначительного события она могла сотворить праздник. А ещё она отличалась любвеобильным характером. Её широкая натура щедро расточала любовь и взамен ничего не требовала. Так светит солнце, всем людям без исключения, посылая столько лучей, сколько смогут взять. Она имела натуру стремительную, как горная лавина, и неукротимую, как торнадо. Не было проблемы, с которой она не справилась бы. К примеру, могла организовать бесплатный самолётный спецрейс для летней поездки учащихся на Кавказ, а точнее, на Малую землю, чтобы поклониться подвигу генерального секретаря Коммунистической партии товарища Леонида Ильича Брежнева, ну а заодно поплескаться в море.

Словом, это была женщина, кипучему напору которой никто не мог противостоять. Если кто-нибудь смекалистый додумался подключить её энергию к нужным проводам, она осветила бы всю Москву если не электричеством, то хотя бы мажорным настроением. Конечно, были у неё и недостатки. Временами она впадала в экзальтацию, так как была склонна к внешним эффектам. Глядя на меня, она всплеснула руками с тонкими пальцами на узких кистях, отчего серебряные браслеты звякнули, и радостно воскликнула:

– Как же я рада тебя видеть! Мероприятие на носу, а у нас конь не валялся! Пора сценарий читать, а мы не знаем, где ты. Хорошо, что Вочкасин тебя разыскал. Ну, чем порадуешь, что наваяла?

– Значит, так, – звонко сказала я, раскрывая красную папку. – Звучат фанфары! Открывается занавес. На сцене в ярких прожекторах стоит группа комсомольцев, белый верх, тёмный низ, а на груди комсомольские значки.

– У меня вопрос, – перебил Вочкасин. – Как расположены комсомольцы?

– Ты режиссёр, как хочешь, так и располагай.

– Хорошо, я себе так и запишу. Продолжайте, я внимательно вас внимаю.

– Читаю дальше, – произнесла я, поглубже вздохнула и сказала: – Первый комсомолец, сделав шаг вперёд, говорит:

– Я – юноша рабочий,
Я – пламя и пожар,
Вселенной новый зодчий,
Великий коммунар!!!

– Отличные слова, – подбодрила меня Рудницкая. Я продолжала:

– Второй комсомолец, тоже сделав шаг вперёд, говорит:

– Со мной идёт свобода.
Свобода и любовь,
Я – друг и сын народа,
Я радостная новь!

– Ах! Друг и сын народа, очень точные слова! – вдохновенно воскликнула Аврора. Она хотела сказать ещё что-то восторженное, но её перебили. Неожиданно распахнулась дубовая дверь кабинета и стремительно вошёл старейший работник ДК Вениамин Львович.

Был он небольшого роста, точнее, когда-то он был высокий и стройный, но со временем его голова устремилась к земле, за ней потянулись шея и спина. От этого его фигура стала похожа на крючок. Он остановился на пороге и вскричал фальцетом:

– Аврора Марковна, сегодня Ленина вешать будем?

Рудницкая задумалась. В коридоре Мария Ивановна, не совсем расслышав, что произнёс Львович, всё же осознала, что руководящие сотрудники собираются сотворить с Лениным что-то непотребное. Она подумала: «Не дай Господь эти лиходеи лишат Ильича постоянного пристанища. Убрали же Сталина из мавзолея, вырыли яму под стеной и засунули великого человека как обычного смертного в землю. Супостаты!»

Львович, не дождавсь ответа, откашлялся и повторил тенором:

– Аврора, вешать Ленина или нет?

– Нет, Венечка, сегодня повесим комсомольцев, – молодым голосом проворковала Рудницкая.

Это известие немного успокоило уборщицу, но одновременно озадачило. «Каких таких комсомольцев собираются повесить? Наверное, тут что-то тайное. Рудницкая вечно что-нибудь придумает», – подумала она. И как бы в подтверждение своей мысли Мария Ивановна вспомнила, как лет двадцать назад в конце пятидесятых годов, сразу после Фестиваля молодёжи и студентов, Аврора привезла в Дом культуры живого Поля Робсона. Она умыкнула его прямо из-под носа товарища Хрущёва. Никита Сергеевич

долго не мог уяснить, куда подевался великий негритянский певец. Только что ему докладывали, что он уже близко от Кремля, а тут – раз, и его нету. Побежали гонцы в разные стороны, искали, искали, но след его пропал, как и не было. А он никуда не исчезал, а попал прямо в руки Рудницкой. Только Робсон вышел из гостиницы, тут она к нему подбежала и давай обнимать, целовать, венок ему на грудь повесила, букеты в обе руки вручила, в машину к нему прыгнула и поехала вместе с ним прямо в Кремль. Как стали подъезжать к мосту через Москву-реку, она шофера-то и завернула. Завернула и напрямиком на Кожевническую улицу, а тут хор молодых трудовых резервов прибежал, окружил выдающегося певца и давай заливать на все голоса. Пели песню, которую американский Поль только недавно выучил:

Люди мира, на минуту встаньте!

Слушайте, слушайте – гудит со всех сторон...

Это раздаётся в Бухенвальде

Колокольный звон, колокольный звон...

Ну, конечно, Робсон не растерялся, улыбнулся на всё лицо белыми, как дорогой фарфор, зубами, обвёл понимающим взором окрест, да как грянул своим международным бас-баритоном: «Бом, бом, бом!» А потом, словно три человека, вдохнул широкой грудью московский воздух и затанул: «Эй, ухнем! Эй, ухнем! Ещё разик, ещё раз!» – так стёкла в окнах прямо зазвенели. Говорят, в некоторых домах даже треснули. Уборщица хорошо помнила, как все были довольны этим событием. Уж так довольны, прямо счастливы, что к нам заграничный правозащитник приехал и на всю округу песни пел.

А стёкла что? Их вставили. Правда, не сразу...

Тётя Маша умильно вздохнула, хотела ещё что-то вспомнить, но, переступив с ноги на ногу, неловко поставила её на край ступеньки, лестница покачнулась... Женщина не удержала равновесие и, вскрикнув, кубарем свалилась прямо к ногам Владимира Ильича. В полёте услышала, как истошно заголосил Львович, на крик которого выбежали все, кто занимался чтением сценария. Уборщица лежала, выпучив глаза и раскинув руки в стороны. Голова её утопала в белых азиях, пышное тело, как на брачном ложе, распласталось на красной ковровой дорожке. Белые азии, традиционно украшавшие подножие памятника, были так свежи, что все, любясь необычным видом, на секунду замерли. Первой пришла в себя Аврора Марковна. Широко расставив руки, она оттеснила всех от Марии Ивановны и во всю мощь своего голоса зычно скомандовала:

– Не трогать! У неё может быть перелом шейки бедра! Когда пожилые женщины падают с лестниц, у них всегда переламываются бёдра. Уж вы мне по-

верьте, уж я-то знаю. Медицинская энциклопедия – моя настольная книга.

Затем она громко приказала сама себе: «Сейчас же, срочно и немедленно!» – и кинулась обратно в кабинет. За ней стайкой пустились мы с Вочкаскиным и Львович.

Быстро набрав нужный номер, Рудницкая возбуждённо прокричала в трубку:

- Скорая, быстро присылайте скорую.
- Как фамилия больного?
- Семёнова.
- Сколько лет больной?

– Не припоминаю, но совсем недавно, а точнее, три или четыре года назад, в торжественной обстановке в нашем доме, кстати, он был построен ещё до Великой Октябрьской революции по проекту одного из учеников самого Шехтеля, мы вручали ей медаль «Ветеран труда» и почетную грамоту от российского госкомитета профтех ...

Диспетчер «скорой» не дала договорить, перебив, спросила: «Значит, она пенсионного возраста?»

– Вероятнее всего.

– На что больная жалуется?

– Ни на что! Она безмолвствует, а кровь из головы поступает в пространство. Она о горшок с азалиями ударилась.

– Он что, ей на голову упал?

– Как раз наоборот, это она упала и головой с горшком соприкоснулась.

– Не поняла, откуда ж она могла на подоконник упасть, с антресолей, что ль?

– Какой подоконник? Она на пол упала!

– Женщина, вы меня не путайте, я же записываю. Я не поняла. Что, у вас горшки с цветами на полу, что ли, стоят?

– Именно! Скорее присылайте скорую! Гибнет заслуженный работник чистоты и самоотверженного труда. Чуть не забыла, помимо травмы головы, у неё прослеживается перелом шейки бедра!

– Диктуйте адрес!

– Вам с индексом диктовать?

– Индекс оставьте себе, назовите улицу, дом и номер квартиры.

– Кожевническая улица, дом 13.

– Какая у вас квартира?

– Какая еще квартира? Вы, гражданочка, куда звоните? – спросила Аврора опешившего диспетчера, сделав такое лицо, словно разговаривала не с неотложкой, а получила звонок из летающей тарелки с вопросом, как проехать на Красную площадь.

– Я не звоню, я слушаю и пытаюсь записать, – раздражаясь, ответила диспетчер.

– Ну так пишите: Здесь! Квартир! Нет! У нас только кабинеты.

– Гражданка, если вы не измените тон и не будете точно отвечать на вопросы, я положу трубку. Назовите номер кабинета.

– Какой номер кабинета вам назвать? – еле сдерживая себя, спросила Рудницкая.

– Из какого кабинета звоните, тот и называйте.

– Зачем же я буду называть свой номер кабинета, если трагедия случилась в коридоре и ветеран ударного и, я бы сказала, коммунистического труда именно оттуда взывает о помощи. Послушайте меня внимательно и уясните себе, что вы попали в Дом культуры, – опять возбуждаясь, заговорила Рудницкая.

– Мне уже давно понятно, что я попала, и попала серьезно! Скажу вам откровенно, мне совершенно всё равно, дом у вас или барак, кабинеты у вас там или коридоры. Вы поймите, у меня заявку не примут, если я не укажу точный адрес. Куда вы мне прикажете бригаду посылать? На деревню дедушке, в коридор?

– Хорошо, записывайте. Мой кабинет номер 12, – ответила Аврора и завела глаза к небу, скорчив такое лицо, будто у неё разболелись сразу все зубы.

– Слава богу, с этим справились, а теперь назовите номер подъезда, – спокойно сказала диспетчер и для верности чётко повторила: – Номер подъезда.

– Час от часу не легче! – Рудницкая прикрыла трубку рукой, всем видом давая понять присутствующим, что говорит с совершенно сумасшедшим человеком. Она уточнила у нас: – Коллеги, спрашивают подъезд, какой у нас подъезд?

– Главный, – хором ответили мы.

– На минуточку, у нас главный подъезд, – слегка ехидничая и опять понимающе улыбаясь коллегам, гордо провозгласила Аврора.

– Я не расслышала, какой номер подъезда? – спросили в трубке.

– Никакого номера у нас нет! У нас есть главный подъезд, и всё! Он же первый и последний. У нас дом. Мы работники культурного фронта! Понятно вам? – опять не удержала свой темперамент Рудницкая.

– Какой у вас этаж? – продолжала задавать вопросы диспетчер. В её голосе появилась мягкость. Несмотря на надменные речи оппонента, она стала говорить так ласково, как может только психиатр, беседующий с серьёзным больным. Видимо, на неё произвело впечатление, что на проводе работники культурного фронта.

– На минуточку, мы двухэтажные! – вскричала Аврора.

– Успокойтесь, пожалуйста. Соберитесь и попробуйте ответить, на каком этаже находится больной? – нежно уточнила диспетчер.

– На первом этаже.

– Вызов принят. Ждите скорую.

Рудницкая положила трубку, устало вздохнула, оглядела невидящим взором присутствующих и хрипло попросила: – Воды.

Вочкаскин поставил перед ней графин. Деликатный Львович наполнил стакан и подал. Она выпила и срывающимся голосом сказала:

– Благодарю тебя, Венечка.

Жестом показала, чтобы повторил. Львович ещё раз налил воды, подал, немного подумал и наполнил другой стакан для себя. Мы с Вочкаскиным потоптались и тоже решили попить. Он разлил воду по стаканам и, сделав жест, будто чокнулся с моим стаканом, патетически произнёс:

– Будем же здоровы!

Всем было понятно, что разговор с диспетчером отнял слишком много сил не только у Рудницкой. Она вздохнула всей грудью и, устремляясь в коридор, закричала: «Коллеги, пропустите!» Мы пустились за ней, а вслед за нами засеменил Львович. На пороге кабинета Аврора столкнулась с тетей Машей, которая, держась за затылок, вошла и присела на краешек стула. Пальцы её руки были в крови, кровь была и на воротнике кофты.

– Боже мой! Какое несчастье! – увидев кровь, Рудницкая бросилась к своему столу и, раскрывая подряд все ящики, начала рьяно что-то искать. Временами она оборачивалась и требовала:

– Марь Ванна, сидите спокойно! Вам нельзя двигаться, у вас наверняка перелом шейки ведра!

– Какого ещё ведра? Нет у меня никакого ведра, я тазиком пользуюсь, – спокойно ответила тётя Маша.

– Не ведра, а бедра!

– Мне всё едино, хошь ведро, хошь бедро, у меня-то всё равно только тазик.

Аврора хотела продолжить диалог, но наконец-то нашла пакет с ватой и бинтами. Она объявила, что сейчас лично перевяжет уборщицу, сделав ей шапочку Гиппократата. В помощники выбрала Львовича, поручив ему держать один конец бинта.

– Ножницы! – вскричала Рудницкая, глядя на Львовича.

– Ножницы, – поддержал её Львович, не глядя протягивая ко мне руку.

– Ножницы, – повторила я и выразительно посмотрела на Вочкаскина.

Он вздрогнул и тут же выбежал из комнаты на поиски ножниц. Рудницкая, прижимая голову уборщицы к своей груди и устремляя глаза в пространство, трагическим голосом спрашивала: «Как же это, Господи? Почему же это стряслось, Господи?»

– Не знаю, хотя если рассмотреть ситуацию с точки зрения техники безопасности, то, полагаю, Мария Ивановна оступилась, – ответил за Всевышнего Львович.

Вскоре вернулся Вочкаскин и принёс огромные

ножницы, похожие на те, что режут жесть. Видимо, взял у дяди Саши. Протянув Рудницкой, тихо сказал:

– Нашёл только эти.

– Ах ты боже мой! – посетовала Аврора и локтем указала мне на кучу бумаг на столе.

Я запустила руку в ворох бумаг и, слегка поворотив, выудила оттуда пару ножниц – канцелярские и маникюрные. Канцелярские протянула Рудницкой, а маникюрные у меня сразу забрал Львович. Он отрезал заусенец на пальце, с утра раздражавший его, и вернул ножницы мне.

Рудницкая приступила к разрезанию бинта, но это ей удалось не сразу. Потом они с Львовичем решали, как перевязывать голову: слева направо или справа налево. За этим занятием их застал доктор «скорой». Он моментально сделал Марии Ивановне укол от столбняка. Потом вырезал на её затылке часть волос, продезинфицировал рану и перевязал голову. Перевязка получилась милой и даже довольно забавной. Она была похожа на детский белый чепчик, завязанный бантиком под подбородком. Затем, услышав, что у уборщицы кружится голова, он увёз её в Институт Склифосовского, предположив возможное сотрясение мозга.

– Боюсь, что он был невнимателен и пропустил перелом шейки бедра, – обеспокоенно сказала Рудницкая, когда «скорая» уехала.

– Она своими ногами в машину влезла, отсюда – у неё не может быть перелома, – возразил Вениамин Львович.

– Как не может? Я сама слышала, как у неё внутри что-то хрустнуло.

– Как ты могла слышать хруст, если была в кабинете, а она в коридоре?

– Могла.

– Это невозможно.

– А я слышала!

– Каким образом ты слышала то, чего не было? – не унимался Вениамин Львович.

– Я слышала внутренним слухом. У каждого человека в запасе есть среднее ухо и в стрессовых ситуациях оно включается и выполняет функцию двух других! Уж я-то знаю. Медицинская энциклопедия...

– Вот как, среднее? Тогда я пас, – перебивая её, сказал Львович, смиренно вздохнул, улыбнулся и ласково спросил: – Вероятно, я больше не нужен? Тогда я пойду.

– Иди, Венечка, иди, дорогой.

– Пошёл. Да, чуть не забыл! У комсомольцев шнур протёрся, не стоит их вешать, а то ещё шмякнутся в самый неподходящий момент и пришибут кого-нибудь из президиума.

– Если комсомольцев нельзя, придётся повесить Ленина. Вешай, Веня, Ленина.

– Есть повесить Ленина, – бойко сказал Вениамин

Львович и отправился за сцену. Там он вытащил из глубины кулис декоративный орден Ленина размером в собственный рост, отёр с него пыль и, проверив верёвки, прикрепил к штанкету. Подняв орден почти к самой падуге, полюбовался и отправился на балкон проверять фонари.

Праздник, посвящённый юбилею кулинарного училища, прошёл на высшем уровне. Торжественная часть вечера началась с возложения красных гвоздик к подножию памятника Владимиру Ильичу. Гвоздики разложили между белыми цикламенами, получилось очень нарядно. Потом все перешли в зал, где выступали ветераны. Они поведали, как, несмотря на свой почтенный возраст, трудятся на кулинарном производстве. Затем на сцену вынесли стол, на него поставили большой кулёк с мукой, воду и яйца. Ведущий объявил, что сейчас выступит виртуоз, который за пять минут изготовит килограмм макарон.

Не успел ведущий договорить, как к столу подскочил полноватый молодой человек в белой курточке и высоком поварском колпаке. Заиграла весёлая музыка. Он улыбнулся, поклонился и высыпал муку на стол, посыпал солью, разбил туда яйцо и налил немного воды. Затем осторожно подул в лунку, образованную водой, и нежданно-негаданно с силой ударил по столу кулаком, а после принялся азартно мутузить муку. Он так быстро двигал пальцами, что зрители не успели оглянуться, как в его руках оказался большой шар из теста. Он легонько помял его в ладонях, дунул и с размаху бросил шар на стол, и тот аж содрогнулся. Публика ахнула, и было отчего: шар превратился в блин. Парень подцепил блин одной рукой и принялся вертеть его в воздухе. Вдруг он пе-

ребросил его на другую руку, а потом обратно. Блин перелетал с одной руки на другую, при этом поварской колпак молодого человека съехал набок, вероятно от усердия. Наконец все заметили, что блин разорвался, да не в одном месте, а в нескольких. Что тут началось! Парень стал подкидывать рванный блин, ловить его, не забывая всё время переворачивать его и вертеть в воздухе, как заправский жонглёр.

Эти манипуляции вызвали у зрителей огромный восторг, они стали возбуждённо кричать и топтать ногами... Никто не заметил, сколько минут прошло с того времени, когда на сцене появился этот макаронный виртуоз. Возможно, немного больше, чем пять минут, но внезапно молодой человек поднял обе руки вверх и замер. Все увидели, как над его головой повисли толстые макароны, похожие на белые верёвки. Они тянулись от одной ладони к другой. Зал взревел. Парень стал мотать ими из стороны в сторону и время от времени дуть на них. От каждого раза макарон становилось всё больше и больше, а главное, они делались всё тоньше.

Я много раз была в цирке и видела виртуозов-жонглёров, но ни один из них не вызывал во мне столько удовольствия, сколько этот молодой человек. Оказалось, что это был не артист, а обычный мастер из этого кулинарного училища. Как мне объяснили позже, подобное изготовление макарон – это обычное дело для мастеров производственного обучения...

После торжественной части учащиеся до позднего вечера танцевали в фойе.

Дом культуры ходил ходуном...

□

Галина Васильевна ДЕРБИНА

родилась в Москве.

Окончила Московский государственный институт культуры.

Работала режиссером

в Центральном Доме культуры профтехобразования.

В 1980-х годах служила в Министерстве культуры РСФСР.

Публиковала в российских журналах и газетах

статьи по вопросам культурологии.

В телекомпании «Класс» написала более 100 сценариев

для детских и юношеских передач.

Автор 5 пьес.

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

